

Гадеев А.В.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последние годы активно развивается российская историография Второй мировой войны. Особенно плодотворным в этом плане стал 2006 год. Ряд известных российских ученых опубликовали научные труды по различным проблемам 2-й мировой войны. В частности М. Мальтюхов «Освободительный поход Сталина»; Переслегин С. «Вторая Мировая война между реальностями»; Солонин М. «22 июня, или когда началась Великая Отечественная война?»; «Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой»; Абрамов В. «Керченская катастрофа 1942 г.».

В различных научных сборниках были опубликованы статьи В. Невежина, М. Мельтюхова, Ю. Фельштинского, И. Павловой, Д. Хмельницкого, Р. Иванова, М. Мягкова, Е. Кулькова, О. Ржешевского и др.

Многие военно-политические события накануне Великой Отечественной войны стали объектом оживленной дискуссии в российской историографии, в ходе которой в научный оборот было введено большое количество новых, еще недавно секретных документов, появилось немало исследований, более объективно освещающих этот период российской и мировой истории. В результате ныне совершенно очевидно, что созданная еще в советский период концепция событий 1939–1941 гг. нуждается в существенной модернизации.

Перестройка в российской историографии кануна войны началась с конца 80-х годов с созданием комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики во главе с А.Н. Яковлевым. Итоги работы комиссии А.Н. Яковлев доложил П съезду народных депутатов и по его докладу съезд принял специальное постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года».

Комиссия А.Н. Яковлева не вышла за рамки обсуждения и оценки договора как международно-правового документа. Договор не был поставлен в исторический контекст, и никаких принципиальных выводов о последствиях этого договора в то время сделано не было.

В дискуссиях того времени по вопросам о политической и правовой оценках советско-германского договора о ненападении высказывались мнения о том, что заключив этот договор оба государства несут одинаковую ответственность за начало Второй мировой войны. Однако такие мнения советская историография отвергла автоматически, фактически без аргументации. М.И. Семиряга, автор книги «Тайны сталинской дипломатии» и один из виднейших советских ученых по вопросам Второй мировой войны подчеркнул: «Утверждение о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны только потому, что в них существовал «одинаковый тоталитарный режим», нельзя считать убедительным. Главную ответственность за это международное преступление все же несет правящая верхушка гитлеровской Германии. Свою долю ответственности советское руководство несет за то, что подписанием договора о ненападении с Германией оно создало определенные условия, способствующие развязыванию войны Гитлером» [1].

Позиция М.И. Семиряги более радикальна, чем позиция историков, которых представлял А.С. Орлов [2].

Относительный покой в среде российских военных историков разрушила публикация на русском языке книг В. Суворова (В. Резуна), который поставил под сомнение то, что в СССР ранее никогда и никем не подвергалось сомнению.

Известный российский историк И.В. Павлова подчеркнула: «Публикация книг Суворова разделила историков на две неравные группы. Подавляющее большинство – историки со стажем и именами, которые в своих трудах «Освящали» просталинскую концепцию войны. Работая много лет под эгидой Института военной истории Министерства обороны СССР, они не смогли принять даже той половинчатой правды о войне, которая стала достоянием официальной гласности. Об этом свидетельствует провалившаяся попытка подготовить новую, 10-томную «Историю Великой Отечественной войны советского народа». Но и те военные историки, которые (как, например, А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова) резко критикуют Сталина и сталинизм за неготовность советских войск к началу войны, за некомпетентность и произвол, безнравственность и жестокость, оказались не готовы к тому, чтобы спокойно обсуждать концепции В. Суворова.

Объяснить это можно лишь тем, что суворовская концепция ломала не только устоявшуюся историографическую традицию, но и наносила удар по личным чувствам и представлениям о войне. Тем более что многие военные историки, как А.Н. Мерцалов, сами были ее участниками. Это не просто неприятие, но и нежелание понять. Книги В. Суворова, по их мнению, не заслуживают развернутых рецензий военных историков, потому что «с помощью «ледоколов» осуществляется конъюнктурный пересмотр важнейших моментов отечественной и мировой истории», бросается «тень на реальные исторические факты, которые давно и с научной точки зрения безусловно установлены мировой историографией» [3].

Между тем непредвзятое изучение имеющихся документов кануна войны привело к появлению статей В.Д. Данилова и М.И. Мельтюхова [4]. Основным выводом, к которому пришел Данилов, заключался в признании: «Готовились начать войну сокрушительным наступлением, но упустили многие вопросы организации надежной обороны страны. Именно этими «ошибками» и «просчетами» объясняются крупные неудачи наших войск в начале войны».

Что касается статьи Мельтюхова, то решение о ее публикации принималось на специальном заседании редколлегии журнала «Отечественная история», на котором также проявилось резкое неприятие концепции подготовки СССР к нападению на Германию со стороны историков Ю.А. Полякова, В.П. Дмитренко, В.И.

Бовыкина, В.А. Федорова и др. [5]. Поляков, несмотря на лавину очевидных фактов, отказывался признавать агрессией действия СССР по присоединению Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и обвинял Мельтюхова в тенденциозности. Дмитренко был убежден в том, что «обсуждать в научном журнале книгу Суворова просто неприлично».

Мельтюхов коснулся версии о «превентивной войне» Германии против СССР. Он привел определение превентивных действий, данное немецким историком А. Хильгрубером. Превентивная война – это «военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления». Для этого требуется прежде всего знать о намерениях противника. По мнению Мельтюхова, ни Германия, ни СССР не рассчитывали на наступление противника, значит, и тезис о превентивных действиях в данном случае неприменим. Более того, он считает, что «версия о превентивной войне вообще не имеет ничего общего с исторической наукой, а является чисто пропагандистским тезисом для оправдания собственных действий» [6].

В 1995 г. в России было торжественно отмечено 50-летие Победы над фашистской Германией и окончание Второй мировой войны. Этот юбилейный год стал годом огромного количества публикаций по теме, продемонстрировавших уровень свободы, которого достигли российские историки. Были опубликованы статьи Ю.Н. Афанасьева, М.А. Гареева, Ю.А. Горькова, В.Д. Данилова, Г. Куманева, М.И. Мельтюхова, В.А. Невежина, С.З. Случа и др. [7].

Российская историография активно развивалась через столкновение прямо противоположных точек зрения. Как пример, опубликованная незапланированная дискуссия «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?» (М.: АИРО–XX, 1995).

Наряду со статьями А.В. Афанасьева, С. Григорьева, М.Г. Николаева, С.П. Исайкина, А.Н. и Л.А. Мерцаловых в сборнике представлен альтернативный взгляд на события кануна войны Б.Н. Петрова, В.Н. Киселева, В.Д. Данилова, М.И. Мельтюхова, В.А. Невежина. Вместе с тем поставленные перед целым рядом очевидных фактов сторонники официальной концепции были вынуждены, по крайней мере, признать, что «проблема взаимосвязи военной доктрины с технической политикой в СССР всегда была белым пятном для общества...», что «по сравнению с Западом у нас выпущено ничтожно малое число книг, посвященных этой теме» [8].

Наиболее радикальные выводы содержались в статье М. Никитина. На основании идеологических документов мая-июня 1941 г. автор пришел к выводу о том, что «основной целью СССР являлось расширение «фронта социализма» на максимально возможную территорию, в идеале на всю Европу. По мнению Москвы, обстановка благоприятствовала осуществлению этой задачи. Оккупация Германией большей части континента, затяжная, бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на разных фронтах, близкий японо-американский конфликт – все это давало советскому руководству уникальный шанс внезапным ударом разгромить Германию и «освободить» Европу от «загнивающего капитализма». Этой цели и была посвящена вся деятельность советского руководства в 1939–1941 гг.

Таким образом, – считает автор, – намерения советского руководства в мае-июне 1941 г., устанавливаемые на основе исторических документов, значительно отличаются от тех, которые нам преподносит отечественная историография. Следовательно, неверна вся и так не очень стройная концепция предыстории Великой Отечественной войны, поскольку она не соответствует известным фактам и документам. Поэтому уже сейчас основной задачей отечественной науки является создание новой концепции истории советского периода вообще и событий 1939–1941 гг. в частности» [9].

Однако последующее развитие историографической ситуации показало, как далека российская историческая наука от того, чтобы признать этот вывод. В 1995 г. в России прошли конференции, в том числе специально посвященные кануну войны. На международной конференции в Москве, организованной Институтом всеобщей истории РАН совместно с Институтом Камминга по исследованию России и стран Восточной Европы при Тель-Авивском университете, «подавляющее большинство – практически все – выступавших опровергло версию Суворова и других авторов, поставив под сомнение сам их метод подхода к анализу событий» [10]. Участники научного семинара в Новосибирске, организованного местным обществом «Мемориал», наоборот, высказались за очищение истории от идеологического камуфляжа. Одним из участников семинара – В.Л. Дорошенко был сделан анализ речи Сталина 19 августа 1939 г., которым убедительно доказано, что текст этой речи, «при всех возможных искажениях, восходит к Сталину и должен быть принят в качестве одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны» [11].

Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживают две установочные статьи – директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна и директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова, которые по традиции, идущей с советских времен, определяли возможные пределы исторического поиска, а объективно обозначили те трудности, которые еще необходимо преодолевать на пути к истине. Основной вывод статьи Чубарьяна сводился к тому, что «Сталин в те тревожные месяцы боялся даже думать о нападении Германии и о начале войны» [12].

Статья А.Н. Сахарова «Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг.» в большей степени отвечала требованиям времени и учитывала результаты историографии, достигнутые за последние годы. Сахаров официально признал существующее до сих пор стремление «создать и укрепить государственно-идеологические мифы, предать анафеме тех, кто пытается проникнуть или хотя бы приблизительно выяснить истинный смысл происходивших в конце 30-х – первой половине 40-х годов событий, сохранить над ними завесу государственной тайны, что совершенно неприемлемо с точки зрения историка» [13]. Далее

Сахаров признал факт выступления Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., процитировав отрывок из него и сославшись при этом (правда, глухо!) на декабрьский номер журнала «Новый мир» за 1994 г. Важнейшим фактом было также подтверждение А.Н. Сахаровым, в отличие от А.О. Чубарьяна, тезиса о том, что «по всем объективным данным, к середине 1941 г. перевес сил почти по всем параметрам был на стороне Советского Союза» [14].

Однако серьезные возражения вызывает общий объективистский подход Сахарова к оценке советской дипломатии в 1939–1941 гг.: «Это была прагматическая, глобалистская дипломатия, покоившаяся на принципах преемственности с политикой старой России и сопровождавшаяся к тому же определенными революционно-идеологическими расчетами большевистского руководства. Защищать и оправдывать ее, как это делала в течение долгих лет советская историография, или порицать и обличать ее, как, скажем, это предпринимает в своих книгах В. Суворов, совершенно бессмысленно. Мораль здесь ни при чем. В политике есть лишь результаты – победы или поражения. Такой была и советская политика, и дипломатия тех лет» [15].

Избежать нравственной оценки действий сталинской власти невозможно, а попытки эти всегда имеют под собой реальную основу, и, как правило, такой объективистский подход ведет к оправданию действий власти.

Определенным итогом историографии темы стала изданная в 1996 г. Российским государственным гуманитарным университетом под редакцией Ю.Н. Афанасьева книга «Другая война: 1939–1945», которая объединила современных авторов, известных своими новыми подходами к изучению не только кануна, но всего периода Великой Отечественной войны. В этой книге в основном переопубликованы статьи В.Д. Данилова, М.И. Мельтюхова, В.А. Неvejeина, Ю.А. Горькова, А.А. Печенкина и др.

Однако в том же году на фоне набирающей силу волны апологетической литературы о Сталине стало заметно отступление от достигнутого в освещении кануна войны. Символом этого отступления стала иллюстрация к публикации Ю.А. Горькова и Ю.Н. Семина «Конец глобальной лжи. (Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию» [16]. Это плакат времен войны под названием «Красной Армии метла нечисть выметет догла!». Среди этой «нечисти» и книга В. Суворова «Ледокол».

Знаками отступления являются фактически отрицательная рецензия А.Ф. Васильева на книгу «Другая война: 1939–1945», опубликованная в 1997 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 7), и новые публикации Г. Городецкого. В ответ на перепечатку речи Сталина 19 августа 1939 г. немецким еженедельником «Die Welt» (12 июля 1996 г.) Городецкий в который раз назвал эту речь фальсификацией. В полном противоречии с известными сегодня историческими фактами он продолжает настаивать на том, что в дни, предшествовавшие подписанию советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., Сталин «более чем когда-либо придерживался своей традиционной оборонительной политики», что он «не выдвигал никаких территориальных претензий, а хотел лишь взаимных германо-советских гарантий неприкосновенности Балтийских стран» [17].

В таком же ключе выдержаны книга В.Я. Сиполса «Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941» (М, 1997) и рецензия на нее А.С. Орлова, в которой весьма показательна высокая оценка того, что «книгу пронизывает полемика с конъюнктурными трактовками истории 1939–1941 гг., которые на волне безудержной критики истории СССР конца 80-х – начала 90-х годов возобладали в постсоветской историографии». Показательна и логика возражений как Сиполса, так и поддерживающего его рецензента. Оказывается, идея секретных протоколов и раздела «сфер влияния» впервые появилась не в советско-германском договоре о ненападении, а в ходе тайных англо-германских переговоров и в английских предложениях СССР о гарантиях стран Прибалтики.

В этом же году вышла книга В.А. Неvejeина «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг.», которая является систематизированным результатом его предыдущих исследований. На основе большого фактического материала Неvejeин пришел к выводу о том, что «Сталин не отделял национальных интересов страны от конечной стратегической цели – уничтожения «капиталистического окружения». На исходе 30-х годов большевистское руководство уже не рассматривало саму по себе «мировую революцию» в качестве главного инструмента для достижения этой цели. Миссию сокрушения враждебного «буржуазного мира» должна была взять на себя по замыслу Сталина, Красная Армия» [18].

Сам же Неvejeин, завершая главу о сталинских выступлениях 5 мая 1941 г., делает вывод о том, что «для ближайшего же сталинского окружения все сказанное тогда «вождем» на торжественном собрании и на приеме (банкете) являлось не «мистификацией» и не «дезинформацией», а прямым руководством к действию» [19].

В этой книге Неvejeин дал вполне определенную и конкретную оценку «Ледоколу»: «...российскими историками было замечено, что В. Суворов (В.Б. Резун) слабо использует документальную базу, злоупотребляет домыслами, тенденциозно цитирует мемуарную литературу, которая сама по себе требует тщательного источниковедческого анализа, искажает факты, произвольно трактует события. Западные ученые также предъявили большие претензии к автору книги «Ледокол». Так, Б. Бон-веч отнес ее ко вполне определенному жанру литературы, в которой просматривается стремление снять с Германии вину за нападение на СССР» [20]. Досталось в этом контексте и тем западным исследователям, которые солидаризировались в своих выводах с В. Суворовым – Г. Гиллессену, В. Мазеру, Э. Топичу, И. Хоффману.

С уже знакомым предубеждением Неvejeин относится также к книге «Другая война: 1939–1945». По его мнению, Ю.Н. Афанасьев необоснованно попытался поставить выступление Сталина 5 мая 1941 г. «в один

ряд со сталинскими речами, якобы произнесенными на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. и на главном Военном совете 14 мая 1941 г.». Источник, на основании которого была сделана публикация речи Сталина на Политбюро 19 августа 1939 г., добавляет далее Невежин, «требует критического анализа».

Важным для понимания позиции ученого является раздел, написанный М.И. Мельтюховым, в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира» (М.: РГГУ, 1997). Раздел имеет красноречивое название – «Крики об обороне – это вуаль», которое представляет собой фразу Сталина, сказанную им 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда, тогда же записанную секретарем ЦК А.А. Ждановым в своем блокноте. Характерно, что Жданов выделил эту фразу как ключевую, раскрывающую подлинное представление Сталина о внешнеполитической миссии Советского государства. [21]. Но, с другой стороны, анализируя статьи авторов, которые собраны в книге «Другая война: 1939 – 1945» и фактически представляют собой дискуссию на тему «Готовил ли Сталин наступательную войну?», Мельтюхов неправомерно свел ее к следующему заключению: «...авторы оспаривают не столько вероятность (или необходимость) упреждающего наступления СССР, сколько возможность его осуществления именно в 1941 г. Во всяком случае, сопоставление упомянутых статей, опубликованных в одной книге и отражающих на первый взгляд противоположные точки зрения, полезно. Это помогает лучше понять причины и характер катастрофы, которая произошла в 1941 г. и которая в конечном счете была органически связана с природой сталинского режима» [22].

Акцент на вопросе о возможности осуществления наступления СССР в 1941 г. – это не более чем попытка отвести дискуссию от выяснения реальных действий Сталина по подготовке к войне. Эта же тенденция отчетливо проявилась и на заседании ассоциации историков Второй мировой войны в декабре 1997 г., на которой обсуждался специальный доклад М.И. Мельтюхова [23]. На одном фланге были докладчик и поддержавший его историк В.А. Невежин, а на другом – старейшины военной исторической науки В.А. Анфилов, М.А. Гареев, Ю.А. Горьков, А.С. Орлов, О.А. Ржешевский и др., для которых «история – наука политическая», а историку, по их мнению, «необходимо всегда помнить об интересах своего государства и заботиться о здравомыслии поколений, вступающих в жизнь» [24]. Состоявшаяся дискуссия продемонстрировала то, что историкам демократического направления не удалось оттеснить или сколько-нибудь заметно потеснить историков прокоммунистического направления. Последние, сохранив свои позиции в институциональной системе постсоветской науки, перешли к реваншу, который собственно научного значения не имеет. Однако он оказывает серьезное влияние на процесс дальнейшей деградации исторической науки в России и скажется на подготовке нового поколения историков. Процессы, которые происходят в постсоветской исторической науке, связаны с общими политическими процессами в стране. Демократия не удалась даже в истории, да и не могла удалиться при существующем соотношении сил. Если бы прокоммунистический реванш получил хотя бы отпор со стороны мировой исторической науки, но и здесь сложилась парадоксальная ситуация: западные историки не только формально контактируют с прокоммунистическими историками, но и поддерживают их концептуально. Российским историкам демократического направления придется проявить не только терпение, но и отвагу.

Издание в 1998 г. международным фондом «Демократия» сборника документов «1941 год» (в 2-х книгах) не ставит точку в историографии этой темы, как считает тот же Л.А. Безыменский, интервью с которым под знаменательным названием «Правда про 22 июня» появилось 18 июня 1998 г. в газете «Комсомольская правда». В сборнике опубликованы документы, которые до самого последнего времени были недоступны в таких архивах, как Архив Президента, Архив внешней политики, Архив Службы внешней разведки, Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации и др. При всей своей неоспоримой важности эти документы сами по себе не могут дать прямых ответов на поставленные вопросы. Именно это и входило в интересы Сталина, который лично контролировал комплектование своего архива, составляющего сегодня основу Архива Президента. Вот почему «документация, которая содержится в личных архивах Сталина и Молотова, представляет собой исключительно важный, но не исчерпывающий источник» [25].

Весьма показателен и тот принципиальный факт, выявившийся в ходе подготовки сборника, что, «в отличие от скупой информации о возможном политическом сближении, материалы по возобновлению экономических связей между СССР и Германией весьма обширны...» [26]. Сталин не случайно оставлял в своем архиве в основном материалы об экономическом сотрудничестве с Германией, как будто знал психологию воспитанных в созданной им стране историков. И действительно вывод последовал: «Наше предположение об инициативной роли экономического фактора еще требует дополнительного исследования, но и сейчас оно должно учитываться при оценке аргумента о «вынужденном» характере договоренностей 1939 г.» (27)

Этапной в плане развития современной российской историографии является статья З.С. Белоусовой и Д.Г. Наджафова. Д.Г. Наджафов подчеркнул: «Скорее всего, советские руководители действительно уверовали в свою революционную миссию, ставя знак равенства между интересами социалистического Советского Союза и «коренными» (по марксистской терминологии) интересами народов других стран, намереваясь в нужный момент выступить в роли освободителя этих народов от ига капитализма. На практике так называемый пролетарский интернационализм СССР свелся к откровенному национализму (в его советской, национал-большевистской версии), тогда как базовой составляющей Второй мировой войны с самого начала была защита свобода и демократии от наступления сил тоталитаризма» [27].

В 2000 г. Была издана книга Р.Ф. Иванова «Сталин и союзники. 1941–1945 гг.» [28]. Автор исследует историческую специфику предвоенного и военного периода. Иванов пытается объективно рассматривать

конкретные деяния Сталина, дает оценку его вклада в экономический и военный прогресс страны, ставшей за кратчайший исторический срок индустриально развитой державой. Вместе с тем автор показывает и какую страшную цену пришлось заплатить народу за этот прогресс, каковы были издержки коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны, террор 30-х годов (с. 7–48)

В 2001 г. Была издана книга «Война 1941–1945 гг. Факты и документы» под редакцией Е.Н. Кулькова, М.Ю. Мягкова, О.А. Ржешевского [29]. Появление книги следует рассматривать в контексте не стихающей уже целое десятилетие дискуссии, спровоцированной известными публикациями об ответственности Советского Союза за развязывание второй мировой войны. Авторы книги – ученые Отдела истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН – сумели заявить собственную позицию в этой дискуссии веско и аргументировано. Авторы одними из первых в военно-исторической науке обращаются к категориям геополитики и цивилизованного развития (с. 11–13).

Материал книги вообще побуждает к осторожности в оценке значимости для Гитлера «антикоммунистической» составляющей его курса. Они дают утвердительный ответ на вопрос: можно ли предотвратить вторую мировую войну, а затем и нападение Германии на СССР. Однако констатируют историки, для создания с Москвой коалиции, способной предотвратить войну и сдержать агрессоров (система коллективной безопасности), у западных стран не хватало политического разума и необходимой прозорливости. Попытки направить гитлеровскую агрессию на восток дорого обошлись им самим. Как пишут авторы, политическое и военное руководство СССР не сумело выработать реалистический план ведения войны, по существу оставив нерешенными кардинальные вопросы большой стратегии, следует ли наносить упреждающий удар по подготовившейся к броску через госграницу противнику, каковы будут рубежи обороны и действия войск в случае внезапного нападения.

В 2000 г. В Москве вышла книга известного российского историка Михаила Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» [30] о попытке СССР захватить Европу в 1939–1941 гг. Большинство специалистов высоко оценили этот научный труд, отмечая профессионализм автора, хорошую источниковую базу, использование засекреченных советских архивов. В данной монографии Мельтюхов умело использует полноту исследования с детальной проработкой ключевых вопросов. В книге сделан вывод о том, что война возникла из-за экономических противоречий. Автор действительно подробно рассматривает мировую экономику в период 1918–1939 гг., противоречия между сверхдержавами. И для науки очень полезна попытка доказать, что война возникла из-за экономических противоречий между различными государствами.

Сергей Переслегин – автор монографии «Вторая мировая война: война между реальностями», изданной в 2006 году также останавливается на анализе экономических причин, породивших Вторую мировую войну.

В 2006 г. была опубликована книга Марка Солонина «22 июня или когда началась Великая Отечественная война?» [31] Автор по-новому рассматривает начальный период войны между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. На основе данных, извлеченных из ранее засекреченных документов и материалов, а также анализа научно-исторической и мемуарной литературы автор опровергает уже устоявшиеся и новые мифы о причинах катастрофических поражений Красной Армии в первые месяцы войны, дает объективную, глубоко аргументированную трактовку хода военных событий. Первостепенное внимание уделено влиянию «человеческого фактора». Человеческий фактор в книге является стержневой проблемой. Хотя материал скомпонован так, что логические выводы после определенных посылок автора, читатель должен сделать сам. Советской стороне не хватало ума, ответственности, организованности, дисциплины и мужества. Немецкая педантичность и организованность позволяли решать проблемы более грамотно и эффективно.

Интересна книга о Второй мировой войне известного российского историка Сергея Переслегина «Вторая Мировая война: война между реальностями» [32]. В ней дается убедительный ответ на самые острые, самые спорные, самые главные вопросы: мог ли Советский Союз отразить наступление противника, не допустить немецкие войска до Москвы и Сталинграда? Существовала ли у немцев стратеги, позволяющая им добиться разгрома СССР уже в 1941 году? Ответ в обоих случаях утвердительный. Да, такая стратегия существовала. Да, Советский Союз мог отразить немецкое наступление малой кровью.

Автор книги признает неразрывное единство «исторической правды» и «мифа» и анализирует прошлое, опираясь на это единство, подчеркивает что 9 мая 1945 года война для европейцев стала достоянием истории.

С. Переслегин исходит из того, что история принципиально альтернативна, и далеко не всегда Текущая Реальность складывается из самых вероятных событий. Неосуществленные варианты, возможности, не ставшие явью, продолжают существовать, образуя «подсознание» исторического процесса, «дерево вариантов» того Настоящего, в котором мы живем. Это «историческое подсознание» воздействует на нас, образуя, может, контекст, а может бэкграунд мира, в котором мы живем.

В новой книге «Освободительный поход Сталина» [33] известного и пользующегося широкой популярностью российского историка Михаила Мельтюхова, прославившегося своими предыдущими работами и в частности работой «Упущенный шанс Сталина», впервые всесторонне и исчерпывающе, на основе рассекреченных документов восстановлена подлинная история территориального спора, самого долгого в советской истории, – от оккупации Бессарабии «Боярской Румынией» в 1948 году до освободительного похода 1940 г. Великая Отечественная война началась не 22 июня 1941 г. Отечественная война началась почти двумя годами раньше, когда Сталин решил вернуть в состав империи обширные земли, отторгнутые от России после революции. В числе этих территорий была и Бессарабия. Существует гипотеза, что именно после этого освободительного похода Гитлер принял окончательное решение о нападении на СССР, причем румынским войскам отводилась в агрессии не последняя роль.

Известный российский историк и политик Н.А. Нарочницкая в книге «За что и с кем мы воевали» пишет: «Право на будущее имеет только тот, кто уважает свое прошлое. История всегда находит путь преемственности, и поэтому ее нельзя разделить, нельзя зачеркнуть в ней ни одной страницы, даже трагической и печальной» [34].

Историк Павлова И.В. в свою очередь делает вывод: «Таким образом, несмотря на очевидные успехи в поиске правды о кануне Великой Отечественной войны, создание его объективной истории требует прояснения еще многих принципиальных моментов. Следование концепции посткоммунистического великодержавия, защищающей агрессивные устремления Сталина, ведет не только к искажению освещения ключевых поворотов его политики, но и не может дать ответа на такой важнейший вопрос, почему Красная Армия, несмотря на свое многократное превосходство, потерпела столь сокрушительное поражение в 1941 г. Рассуждений о роковом просчете советского руководства и неготовности войск к созданию сплошного фронта обороны здесь недостаточно. Подобного рода вопросы вообще не вписываются в эту концепцию, ибо это уже вопросы не о геополитических планах Сталина, а об отношении миллионов красноармейцев к созданному им режиму» [35].

Источники и литература

1. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941 гг. – М.: 1992. – С. 59.
2. Орлов А.С. Комментарии к кн.: Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Кн. 1. –Т. 1–2 /Сокращ. Перевод с англ. – М.: 1991. – С.179, 204.
3. Павлова И.В. Поиски правды о кануне Второй мировой войны. В кн.: Правда Виктора Суворова. – М.: Яуза. 2006. – С. 250–251.
4. Данилов В. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. – 1994. – № 24; Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. – 1994. – № 3.
5. Отечественная история. – 1994. – № 4–5. – С. 277–283Ю
6. Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года // Отечественная история. –1995. –№ 3. – С. 40.
7. Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. – 1995. – № 5; Война 1939–1945: два / подхода. М.: РГГУ, 1995. – Ч. I. Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева; Вторая мировая война. Актуальные проблемы. – М., 1995; Гареев М.Л. О военной науке и военном искусстве в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. – 1995. –№ 2; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. – Тверь, 1995; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны // Отечественная история. – 1995. – № 3; Иванов А. Готовился ли СССР к превентивной войне? // Актуальные проблемы новой и новейшей истории. – Ульяновск, 1995; Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. –1995. – № 2; Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая-июня 1941 года о событиях второй мировой войны // Отечественная история. – 1995. – № 2; Он же. Правители без подданных. Как пытались экспортировать революцию // Родина. – 1995. – № 12; Он же. Советская отечественная историография предистории Великой Отечественной войны (1985–1995 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1995; Невежин В.А. Собирались ли Сталин наступать в 1941 г. (Заметки на полях «Ледокола» Суворова) // Кентавр. – 1995. – № 1; Он же. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. – 1995. – № 2; Печенкин А.А. Была ли возможность наступать?// Отечественная история. – 1995. – № 3; Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. – М., 1995; Случ С.З. Германско-советские отношения в 1918–1941 гг. // Славяноведение. – 1995. – № 6; Шевяков А.Л. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социс. –1995. – № 5; Ширит К. К. Идея мировой революции в стратегии Коминтерна // Новая и новейшая история. – 1995. – № 5, и др.
8. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. – М.: 1995.– С. 21, 22.
9. Там же. – С. 146.
10. Чубарьян А. Война и судьбы мира. Проблемы исторических исследований // Свободная мысль. – 1995. – № 2. – С. 52.
11. Дорошенко В.Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // 1939–1945. 1 сентября – 9 мая. Пятидесятилетние разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (16 апреля 1995 г. – Новосибирск). – Новосибирск, 1995. – С. 17.
12. Чубарьян А. Война и судьбы мира... // Свободная мысль. – 1995. – № 2. – С. 52.
13. Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 26
14. Там же. – С. 29. 37.
15. Там же. – С. 26–37
16. Военно-исторический журнал. – 1996. – № 2. – С. 3.
17. Городецкий Г. Во льдах истории // Европейская газета. – 1996. – № 17–18 (сентябрь).
18. Невежин В.А. Синдром наступательной войны...// Кентавр. – 1995. – № 1. – С. 67.
19. Там же. – С. 185.
20. Там же. – С. 12.
21. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. – М.: 1997. – С. 291.

22. Там же. – С. 319
23. Новая и новейшая история. – 1998. – № 6. – С. 201–208.
24. Мягков М.Ю. Предвоенные оперативные планы СССР (заседание Ассоциации историков Второй мировой войны) // Война и политика... – С. 493.
25. Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. – С. 24.
26. Там же. – С. 25.
27. Белоусова З.С., Наджаров Д.Г. Вызов капитализму: советский фактор мировой экономики // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. – М.: 1996. – С. 54–55.
28. Иванов Р.Ф. Сталин и союзники. 1941–1945 гг. Смоленск. Русич. 2000. – 590с.
29. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945 гг. Факты и документы. – М.: 2001.
30. Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. // Отечественная история. – 1995. – № 2.
31. Солонин М. 22 июня или когда началась Великая Отечественная война? – М.: Яуза. Эксмо 2006. – 509 с.
32. Переслегин С. Вторая мировая война между реальностями. – М.: Яуза. Эксмо. 2006. – 544 с.
33. Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина.– М.: Яуза. Эксмо. 2006. – 510 с.
34. Нарочницкий Н.А. За что и с кем мы воевали. – М.: 2005. – С. 17.
35. Павлова И.В. Поиски правды о кануне Второй мировой войны... – М.: Яуза. 2006. 281 с.

Гедё А.В., Лебедев Д.В.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ (КОНЕЦ XVIII – XIX ВЕК)

В настоящее время наблюдается интерес к духовной культуре греческого населения Приазовья. На ее формирование в значительной степени оказала влияние Православная церковь. Церковь, как социально-теологический институт, функционируя в обществе, выполняет определенную социальную миссию по сохранению культурного наследия.

На современном этапе в Украинском государстве актуальной является проблема церковной организации и подчиненности Православной церкви, и поэтому важно для лучшего понимания современной религиозной ситуации, исследовать историю развития церковных связей в Северном Приазовье в конце XVIII–XIX ст.

Цель данной статьи показать роль Православной церкви греческой общины в формировании духовной культуры Северного Приазовья.

Новизна исследования заключается в том, что история развития церковной организации греческого населения на Мариупольщине представлена в контексте религиозно-культурного взаимодействия и сосуществования двух церковно-административно-территориальных единиц Готфийско-Кафийской и Екатеринославской епархий в конце XVIII – XIX веков.

Истории изучения духовной культуры Приазовья посвящены исследования Феодосия Макаревского “Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Вып.2: Нынешние уезды – Бахмутский, Славяносербский, Ростовский на Д, Александровский и Мариупольский” [1]. В нем рассмотрена история города Мариуполя и его церквей. В работе содержатся сведения и о строительстве сельских церквей Мариупольского уезда.

В труде “Очерк повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников подчёрпнутый. Период от основания в Новороссийском крае Новой Сербии до учреждения наместничества Екатеринославского с упразднением губерний Новороссийской и Азовской, за коим последовало упразднение и Славянской епархии, с 1751 по 1786 годы” [2]. Гавриила (Розанова В.Ф.) архиепископа Тверского и Кашинского, подробно изложена история епархии, охарактеризована деятельность архиепископов – греков Евгения Булгариса и Никифора Феотоки.

Вопросы духовного развития населения Приазовья рассматриваются также в сборнике экскурсий Мариупольской Александровской гимназии “Мариуполь и его окрестности” (1892 г.) [3]. Шире здесь раскрываются аспекты духовного и гражданского самоуправления, роль митрополита Игнатия в судьбе греков, вышедших из Крыма. Эта книга является единственным изданием, охватывающим все стороны социальной жизни греков: историю, этнографию, культуру, просвещение, торговлю.

Работа А.В. Геде “Переселение греков из Крыма в Приазовье: (Вымыслы и реальность)” [4] написана на основании архивных материалов. Автор старалась показать причины переселения и связанные с ними трудности. Дана оценка деятельности митрополита Игнатия и Российского правительства в деле переселения крымских христиан.

Вопрос, касающийся перенесения Готфийско-Кафийской епархии на земли Северного Приазовья, и развитие здесь церковной организации у греков, рассматривается в статье А.В. Геде “Церковная организация греческого населения Мариупольщины (конец XVIII – XIX ст.)” [5].

В начале XXI века на территории Приазовского края проживали представители 120 разных народов и 49 религиозно-конфессиональных направлений, которые представляли поликонфессиональную среду Приазовья [6, с.33–37]. Образование поликонфессиональной среды в конце XVIII века было связано с государственной политикой императрицы Екатерины II (1762–1796).

22 июля 1763 года был подписан Манифест “О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим,